

ДРУЖЕСТВЕННОСТЬ И ВРАЖДЕБНОСТЬ В ПОВЕДЕНИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА*

ХЮНЧЖУН КИМ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В данной статье анализируется паттерн дружелюбности-враждебности стран Центральной Азии (Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана) с применением контент-анализа. Паттерн дружелюбности-враждебности используется в теории регионального комплекса безопасности Б. Бузана при анализе идейных аспектов и определяет, какую роль (враг/соперник/друг) принимают на себя государства и какой паттерн межгосударственных взаимоотношений формируется в регионе: конфликтная формация (враг), режим безопасности (соперник) или сообщество безопасности (друг) соответственно. Паттерны дружелюбности-враждебности далее подразделяются согласно методологии К. Осканиана на шесть категорий: 1) конфликтные формации (ревизионистские и статус-кво), 2) режимы безопасности (слабые и сильные), 3) сообщества безопасности (свободные и тесно связанные). Цель данной статьи заключается в позиционировании центральноазиатского субкомплекса в спектре этих шести категорий паттерна дружелюбности и враждебности.

Первая часть данной статьи посвящена определению аналитических и методологических подходов к исследованию центральноазиатского регионального субкомплекса, который входит в состав однополярного регионального комплекса безопасности, централизованного вокруг России. Вторая часть статьи посвящена анализу паттерна дружелюбности-враждебности стран центральноазиатского регионального субкомплекса посредством контент-анализа 30 455 новостных статей опубликованных в средствах массовой информации стран Центральной Азии за последние 10 лет (с января 2007 по декабрь 2016 года). Новостные статьи анализируются согласно схеме, предложенной К. Боришполец. На уровне анализа «А» новостные статьи разбиты на статьи, посвящённые: 1) межгосударственным, 2) межрегиональным и 3) внутрисубкомплексным вопросам. На уровне анализа «В» статьи, посвящённые межгосударственным вопросам, далее разбиты на статьи, обсуждающие вопросы: 1) интеграции, 2) энергетики, 3) границ и территорий, 4) наркотиков и преступлений, 5) исламского радикализма и 6) миграции. На уровне анализа «С» рассмотрены особенности паттерна дружелюбности и враждебности по каждому из вышеперечисленных вопросов и на основе результатов в заключение сделан вывод о том, что в центральноазиатском региональном субкомплексе формируется конкурирующая культура безопасности по Локку, которая может быть определена как расположенная в пределах от «слабого» до «сильного» режима безопасности.

Ключевые слова:

Центральная Азия; паттерн; дружелюбность; враждебность; контент-анализ; режим безопасности; теория региональных комплексов безопасности.

---

* Автор благодарит своего научного руководителя Никитину Ю.А., доцента кафедры мировых политических процессов МГИМО, за рекомендации в ходе проведения исследования.

Для связи с автором /Corresponding author:
Email: hj568@korea.ac.kr

Цель настоящей статьи состоит в выявлении устойчивых закономерностей межгосударственных отношений между странами центральноазиатского (ЦА) региона на основе выявления степени их дружественности-враждебности¹. Согласно Б. Бузану и О. Уэверу², последняя характеристика представляет собой «специфический паттерн, характеризующий симпатии и страхи в регионе, появляющийся локально в результате взаимодействия политических, исторических и материальных условий» [Buzan, Waever 2003: 47]. В зависимости от того, какую роль (враги / соперники / друзья) берут на себя участники субкомплекса, в регионе может возникнуть один из паттернов дружественности-враждебности, отражающий агрегированный спектр конфликтных формаций (враги), режимов безопасности (соперники) и сообществ безопасности (друзья) [Buzan, Waever 2003: 50–53]. Страны региона, находящиеся ближе к конфликтной части спектра, имеют тенденцию прибегать к насилию при решении споров, что негативно влияет на соседние государства, в то время как страны региона, находящиеся в противоположной части спектра, исключают использование силы при решения споров и совместно отражают угрозы общей безопасности [Wendt 1999:

246–312]³. Другими словами, цель выявления паттерна дружественности-враждебности состоит в определении степени внутрирегиональной солидарности и способности региона успешно противостоять внутренним и внешним шокам.

Авторы журнала «Международные процессы» и ранее обращались к проблемам Центральной Азии, но в основном уделяли внимание отношениям России с регионом [Боронин 2003; Быков 2005; Михайлов 2005; Тетерюк, Чижевский 2013; Вавилов 2016] или растущему влиянию Китая на Центральную Азию [Дундич 2010; Ли, Ван 2014]. В отличие от предыдущих статей, целью данного исследования является определение паттерна дружественности-враждебности, характерного для центральноазиатского регионального комплекса с использованием объективных данных, таких как статистика использования отдельных тематических блоков, полученных в результате применения научно обоснованной методологии контент-анализа на базе концепции секьюритизации⁴.

В первой части статьи будут сформулированы аналитические и методологические основания анализа межгосударственных взаимоотношений. Во второй части статьи будет проанализирован паттерн дружественности-

¹ Согласно теории регионального комплекса безопасности Б. Бузана, постсоветский регион включает в себя четыре субкомплекса: 1) Балтийский (Эстония, Латвия и Литва); 2) Западный (Белоруссия, Украина и Молдова); 3) Кавказский (Армения, Азербайджан и Грузия) и 4) Азиатский (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан).

² Данная статья основывается на теории региональных комплексов безопасности (ТРКБ), предложенной в основном Б. Бузаном. ТРКБ – это гибридная теория, сочетающая в себе конструктивистские элементы с обычно принятыми в исследованиях безопасности неореалистскими элементами. Теория использует неореалистские (материальные факторы – экономика/военная сила) и конструктивистские (идейный – секьюритизация, интерпретация намерения и реакции) аналитические рамки на каждом из уровней анализа: на внутригосударственном уровне – «спектр слабых и сильных государств» (идейная перспектива), на межгосударственном уровне – «паттерн дружественности-враждебности» (идейная перспектива), на межрегиональном уровне – «вмешательство великих держав» (материальная/идейная перспектива). В данной статье анализируется «паттерн дружественности-враждебности» в регионе на межгосударственном уровне.

³ Для региона, находящегося в середине спектра паттерна дружественности-враждебности, характерна конкурентная культура, по Локку. Страны такого региона являются конкурентами, которые не стремятся к взаимному завоеванию или доминированию, но готовы прибегнуть к насилию по отношению друг к другу в угоду своим интересам, избегая при этом взаимного уничтожения [Wendt 1999: 246–312].

⁴ Данная попытка отражает современные тренды в политологии, заключающиеся в применении объективных методов анализа и использовании информационных технологий. Данное исследование использует современный и уникальный подход, применяя статистику использования определённых тематических блоков в попытке провести объективный анализ идейных факторов (таких, как паттерн дружественности-враждебности) международной политики.

враждебности между странами Центральной Азии с помощью понятий секьюритизации и речевого акта, предложенных Копенгагенской школой исследования безопасности. Для этого при помощи методики контент-анализа будет проанализировано более 30 тыс. новостных статей, опубликованных в региональных средствах массовой информации региона с января 2007 по декабрь 2016 года⁵. На основе этого анализа в заключение будет предпринята попытка определить культуру безопасности в Центральной Азии исходя из устойчивых систем взаимных восприятий местных государств.

1

Теория региональных комплексов безопасности (теория РКБ) предполагает, что «формирование и функционирование РКБ зависит от существующих паттернов дружественности-враждебности между его элементами, что делает региональные системы безопасности зависимыми не только от тривиального распределения сил, но и от интерпретаций участниками намерений и действий друг друга» [Buzan, Waever 2003: 40]. Такой субъективный / интерсубъективный подход опирается на базовые концепции «секьюритизации» и «речевого акта», предложенные Копенгагенской школой исследования безопасности. В рамках этой исследовательской программы «изучение секьюритизации состоит в изучении языковых форм, которые представляют что-либо в качестве угрозы существованию объекту интереса и политическому объединению» [Stritzel 2014: 47–48]. Б. Бузан подтверждает справедливость такой интерпретации, утверждая, что «изучение секьюритизации — это изучение дискурсов» [Buzan et al.

1998: 25]. Соответственно, оценка межгосударственных отношений в регионе может быть осуществлена посредством анализа языковых характеристик с использованием различных доступных инструментов. Контент-анализ — позитивистская количественная методика, которая основывается на подсчёте частоты ключевых слов. Получаемый с его помощью статистический результат выступает объективным критерием при анализе паттерна дружественности-враждебности. В данной статье для контент-анализа используется 30 455 новостных статей, опубликованных в средствах массовой информации стран Центральной Азии за десять лет (с 2007 по 2016). В ходе анализа фиксируются языковые проявления кооперации и секьюритизации по наиболее часто обсуждаемым в статьях вопросам.

Паттерн дружественности-враждебности образует спектр режимов обеспечения безопасности в регионе, на одном конце которого находятся конфликтные формации, для которых велика вероятность применения вооружённого насилия, и на другом конце — сообщества безопасности, которые исключают всякое применение военной силы при решении споров. Эти режимы обеспечения безопасности также соответствуют социальным структурам анархии, выделенным А. Вендтом (которые он ассоциировал с Т. Гоббсом, Дж. Локком, И. Кантом) [Wendt 1999: 254–257]. Такая коннотация позволяет предположить, что паттерн дружественности-враждебности Б. Бузана может быть представлен в виде «различных типов проявления международной культуры»⁶, по А. Вендту. Таблица 1 является результатом проведённой автором статьи интеграции концепций двух теоретиков.

⁵ Архив новостного агрегатора www.centrasia.ru содержит статьи с января 2002, однако по техническим причинам в данной работе мы рассматриваем только новостные статьи, опубликованные в период с января 2007 по декабрь 2016 года. Эмпирическая часть исследования была завершена в конце 2017 года, поэтому все используемые источники относятся к этому периоду.

⁶ А. Вендт определяет «международную культуру» как «общественно распределённое знание», которое может принимать конкретные формы в качестве норм и правил поведения на международной арене. «Различные типы проявления международной культуры» определяют то, в какой степени агент (государство) интернализирует норму. Например, интернализация культурной нормы первой степени характеризуется тем, что агент (государство) принимает норму не вследствие согласия с ней, но под влиянием силы, тогда как интернализация второй степени происходит по личным интересам, а интернализация третьей степени происходит вследствие легитимности нормы.

Столбцы табл. 2 соответствуют столбцам табл. 1 и представляют собой категории и подкатегории паттерна дружелюбности-враждебности, такие как 1) конфликтные формации (ревизионистские и статус-кво), 2) режимы безопасности (слабые и сильные), 3) сообщества безопасности (свободные и тесно связанные). Таблица 3 содержит критерии, согласно которым происходит развитие паттерна дружелюбности-враждебности на вышеупомянутые категории.

Строки таблицы соответствуют шести категориям паттерна дружелюбности-враждебности, а столбцы таблицы соответствуют шести критериям, характеризующим данные категории, таким как: 1) макроперспективный критерий: эпифеноменальные характеристики, 2) микроперспективный критерий: конвергенция / дивергенция идентичностей и ценностей, и 3) микро-

Таблица 3
Подтипы отношений дружелюбности-враждебности и их критерии

	Макроперспектива: эпифеноменальные характеристики	Микроперспектива: конвергенция / дивергенция идентичностей и ценностей	Микроперспектива: конвергенция / дивергенция инструментов (средств и угроз)
Ревизионистские Конфликтные формации	Военное соперничество / отсутствие взаимного признания / отсутствие формального режима безопасности	Взаимоисключающие идентичности и ценности	Война как средство / гиперсекьюритизация ⁸
Конфликтные формации статуса-кво	Военное соперничество / взаимное признание / отсутствие формального режима безопасности	Индивидуальные, но совместимые идентичности и ценности	Война как средство / секьюритизация на базе дилемм безопасности ⁹ , противоречивых национальных интересов
Слабые режимы безопасности	Конфликты разрешаются посредством ситуационных режимов безопасности, часто основанных на верификации / гарантиях третьей стороны	Индивидуальные, но совместимые идентичности и ценности	Кооперация в сфере безопасности как средство / секьюритизация на базе дилемм безопасности
Сильные режимы безопасности	Конфликты минимизированы с помощью институционализованных механизмов, основанных на доверии	Кооперация в сфере безопасности / институты безопасности как часть коллективных ценностей / зарождающейся коллективной идентичности	Частичная десекуритизация ¹⁰ / режим как ценность
Свободные сообщества безопасности	Отсутствие конфликтов / интегрированные институты безопасности	Кооперация в сфере безопасности / институты безопасности как часть коллективных ценностей / коллективная идентичность	Исключение войны из средств / де- и мета- секьюритизация ¹¹
Тесно связанные сообщества безопасности	Отсутствие конфликтов / наднациональные институты безопасности	Кооперация в сфере безопасности / институты безопасности на основе коллективной идентичности	Исключение войны из средств / де- и мета- секьюритизация

Источник: [Oskanian 2013: 27].

⁸ Гиперсекьюритизация — это тенденция «преувеличивать угрозы и прибегать к чрезмерным контрмерам» [Buzan 2004: 172].

⁹ Дилемма безопасности — это ситуация, когда действия государства, направленные на повышение его безопасности, могут привести к ответным действиям других государств, усиливающим политическую напряжённость и приводящим к возникновению конфликта [Jervis 1976: 170].

¹⁰ Десекуритизация — это процесс, противоположный процессу секьюритизации. Десекуритизация состоит в признании того, что угроза объекту-референту более не является существенной.

¹¹ Метасекьюритизация — это статус, который не требует секьюритизации.

перспективный критерий: конвергенция / дивергенция инструментов (средств и угроз). «Макроперспективный» критерий характеризует объективно видимое наличие или отсутствие военного соперничества / конфликтов между странами региона, а «микроперспективные» критерии отражают интерпретативно-дискурсивный взгляд. «Микроперспективный критерий конвергенции / дивергенции идентичностей и ценностей» во втором столбце характеризует степень взаимной совместимости ценностей и идентичности. «Микроперспективный критерий конвергенции / дивергенции инструментов (средств и угроз)» характеризует степень, в которой субъекты рассматривают войну как инструмент и интенсивность секьюритизации. Анализируя и характеризуя результаты контент-анализа, мы будем полагаться на эти критерии.

Секьюритизация – это *дискурсивный процесс, в ходе которого какое-либо явление признаётся в качестве угрозы объекту безопасности и оправдывается применение чрезвычайных мер и/или действий, направленных на защиту объекта безопасности* [Vuzan et al. 1998: 24–25]. Это понятие «восходит к работам О. Уэвера, находившимся скорее под влиянием постструктуралистских идей, нежели идей Б. Бузана и де Вилде. В своих работах О. Уэвер пытался объединить разнообразные идеи из континентальной социальной теории и философии... а также философии языка, включая теорию речевого акта» [Stritzel 2014: 13]. Концепция «речевого акта», разработанная Копенгагенской школой, предполагает, что «высказывание о безопасности это не только речь, но и действие, которое может создать новую реальность с целью привлечения внимания общественности к решению проблемы» [Stritzel 2014: 21]. Она дополняет представ-

ления о секьюритизации, в соответствии с которыми угрозы не являются объективной данностью, а скорее социально сконструированы посредством речевого акта.

Если ранее субъектом секьюритизации считался деятель (обычно представитель государства), который, как предполагалось, мог сформировать новую социальную реальность посредством привлечения внимания общественности, исследователи второго поколения Копенгагенской школы перенесли акцент на структуру и контекст дискурсов о секьюритизации. Иными словами, они пришли к выводу, что для анализа степени дружественности-враждебности необходим анализ речевого акта в контексте специфических социальных условий, текстовых блоков и исторических последовательностей [Stritzel 2014: 46]. Несмотря на изменения, привнесённые в теорию, они «не разъяснили в деталях, как их идея секьюритизации связана с тремя измерениями речевого акта, такими как локуции, иллюкуции и прелокуции» [Stritzel 2014: 22]. Это оставляет, по мнению Х. Стритцеля, неясным механизм взаимодействия между речевым актом, участниками секьюритизации и наблюдателями [Stritzel 2014: 30].

2

Для изучения устойчивых взаимных восприятий дружественности-враждебности в Центральной Азии посредством выявления лингвистических характеристик (гиперсекьюритизации / секьюритизации / десекуритизации / метасекьюритизации) общественного дискурса в настоящей статье была применена методика контент-анализа¹². Для того чтобы оценить тип культуры анархии в Центральной Азии, в настоящей статье было проанализировано 30 455 новостных статей, опубликованных в 200 раз-

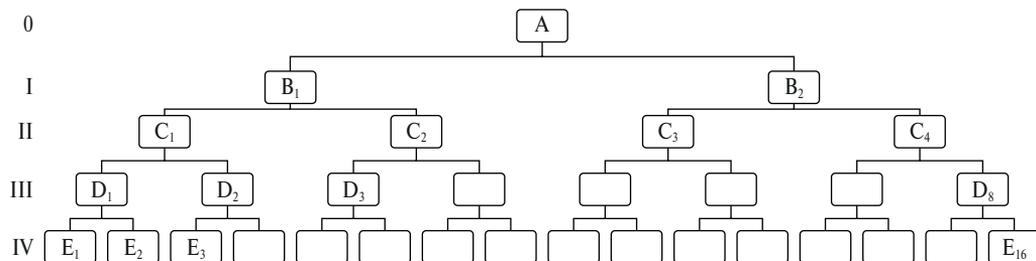
¹² Стоит отметить, что недостатком контент-анализа является невосприимчивость к контексту. В статье мы попытались проанализировать контекст использования ключевых слов, однако, так как мы анализируем ключевые слова по 6 проблемам в новостных статьях за 10 лет, проверка контекста использования каждого ключевого слова в каждом конкретном случае вручную остаётся крайне трудоёмкой задачей. В настоящее время в ряде университетов разрабатываются программы контент-анализа, чувствительные по отношению к контексту ключевых слов, основанные на использовании технологий машинного обучения (Machine Learning) и искусственного интеллекта (Artificial Intelligence), которые помогут решить эту проблему.

Таблица 4
Временное распределение новостных сообщений за период 2007–2016 годов

	2007–2008	2009–2010	2011–2012	2013–2014	2015–2016	Всего
Количество статей	6315	7232	6694	5645	4569	30455

Составлена автором.

Рисунок 1
Структуризация информационных массивов при количественном контент-анализе¹⁴

0 – уровень «А» – «содержательно-установочный» – на этом уровне фиксируется название текстового массива;
 I – уровень «В» – «тематический», где $B_1, B_2, \dots, B_n$ – основные темы информационного массива;
 II – уровень «С» – «проблемный», где $C_1, C_2, \dots, C_n$ – проблемы, рассматриваемые автором в рамках отдельных тем;
 III – уровень «D» – «целевой», где $D_1, D_2, \dots, D_n$ – указание на желаемое или реальное состояние проблемы, рассматриваемой автором;
 IV – уровень «E» – «атрибутивный», где $E_1, E_2, E_3, \dots, E_n$ – указание на конкретные характеристики, составляющие содержание проблемы или её элементов.

личных СМИ Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана¹³ с января 2007 по декабрь 2016. Распределение анализируемых новостных статей по подпериодам представлено в табл. 4.

Новостные статьи анализировались с использованием схемы структуризации информационных массивов при количественном контент-анализе [Боришполец 2010: 69], представленной на рис. 1.

Для того чтобы удовлетворить требование уровня «А» структуризации о фиксировании названий текстовых массивов, все сообще-

ния были разделены по тематике на материалы, посвящённые 1) межгосударственным, 2) межрегиональным и 3) внутригосударственным вопросам. Распределение статей по тематикам показано на рис. 2.

Из 30 455 статей 69% (21 107 статей) посвящены внутригосударственным вопросам, 10% (3109 статей) – межрегиональным вопросам и 21% (6329 статей) – межгосударственным вопросам¹⁵. 6329 статей, посвящённых межгосударственным вопросам, формируют текстовый массив уровня «А», использующийся для анализа дру-

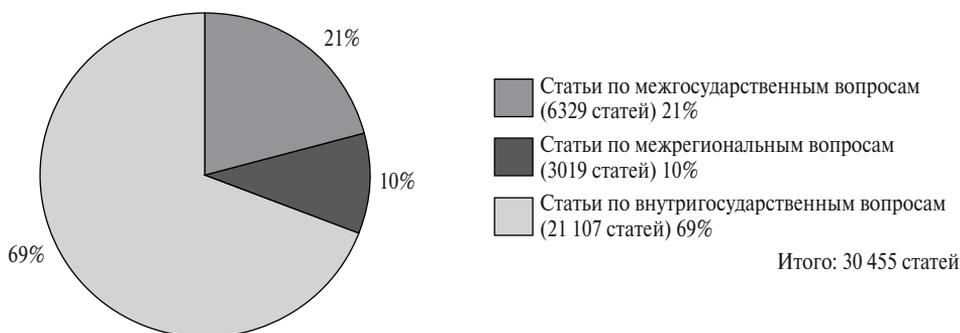
¹³ Список используемых СМИ показан в приложении. Количество новостных статей на русском языке в Туркменистане и Узбекистане ограничено.

¹⁴ Так как целью данной статьи является определение паттерна дружелюбности-враждебности между странами Центральной Азии, мы будем производить анализ с уровня «А» по уровень «С», так как уровни глубже уровня «С» посвящены более детальному рассмотрению проблем.

¹⁵ Новостные статьи были классифицированы согласно следующим критериям: 1) материалы, названия которых включают в себя упоминание одного из крупных игроков (России, Китая, США и ЕС) были категоризированы как межрегиональные; 2) материалы, названия которых включают упоминание одной из стран Центральной Азии (Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана или Туркменистана) и основной текст которых включает в себя название какой-либо другой страны Центральной Азии, были отнесены к межгосударственным; 3) оставшиеся материалы были классифицированы как внутригосударственные. Хотя такая классификация и является эвристической, она не ведёт к существенным ошибкам и не приводит к системным искажениям результатов.

Рисунок 2

Процентное соотношение статей, посвящённых межгосударственной, межрегиональной и внутренней тематикам (2007–2016)

Составлено автором.

жественности-враждебности стран ЦА в данной статье. Далее в ходе анализа на тематическом уровне «В», целью которого является определение основных тем текстового блока, статьи по межгосударственной тематике были разбиты на группы в зависимости от освещаемых в них конкретных проблем. Эти проблемы были выявлены посредством анализа слов, появляющихся с наибольшей частотой во всех статьях, посвящённых межгосударственным вопросам. Таким образом, было обнаружено шесть основных проблем, показанных на рис. 3.

Из 6329 статей, посвящённых межгосударственным вопросам, большая часть статей посвящена проблемам интеграции (31%, 1962 статьи), далее – энергетике (19%, 1199 статей), вопросам, связанным с пограничными территориями (10%, 659 статей), наркотрафиком и преступлениями (6%, 357 статей), исламским радикализмом (3%, 156 статей) и миграцией (1%, 77 ста-

тей)¹⁶. На уровне анализа «С», который обозначается как «проблемный», выявляются языковые характеристики статей по каждой из тем. На основании такого анализа каждая статья соотносится с одной из категорий паттерна дружественности-враждебности из табл. 2 на основании критериев, приведённых в предыдущем разделе.

Наибольшее количество статей по межгосударственной тематике посвящено вопросам региональной интеграции (31%, 1962 статьи)¹⁷. Несмотря на сохраняющиеся противоречия между странами, слова, указывающие на восприятие Центральной Азии как общего пространства существования, такие как «брат», «сосед», «Средняя Азия», «сотрудничество», были найдены в числе наиболее часто употребляемых слов. Кроме того, в региональных СМИ часто фигурируют названия евразийских организаций сотрудничества, таких как ЕврАзЭС, ОДКБ, Таможенный союз. Как следствие,

¹⁶ Может возникнуть вопрос, почему секьюритизация вопросов интеграции и энергетике выше, чем вопросов границ, так как такой результат противоречит представлениям классических теорий безопасности, постулирующих первостепенность территориальной целостности государства. Такой результат, однако, вполне соответствует логике теории конструктивизма и ТРКБ, которые утверждают, что секьюритизация проводится не согласно некой фиксированной формуле (такой, например, как первостепенность территориального вопроса), а определяется доминирующей культурой и ролью, взятой на себя конкретным государством в регионе. Территориальная проблема – это чувствительная политическая проблема, но в зависимости от культуры взаимоотношений, преобладающей в регионе, она может либо выходить на поверхность, либо избегать внимания.

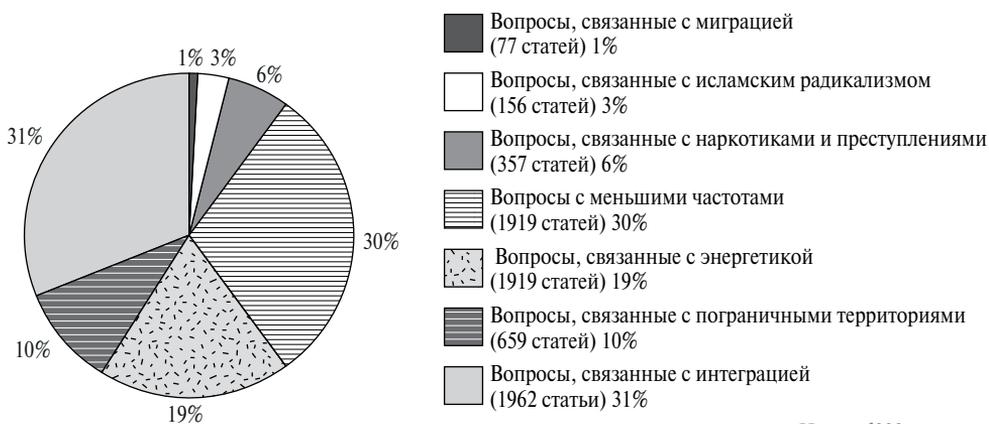
¹⁷ Поскольку данная часть статьи ставит своей целью составить общее представление о степени дружественности-враждебности отношений в регионе, а не провести подробный анализ отдельных конфликтов, в этой части будут сделаны лишь общие замечания о ситуации.

рис. 4 показывает наличие статей, для которых характерен дискурс свободных сообществ безопасности, указывающий на наличие коллективной идентичности и интегрированных институтов безопасности, несмотря на то что количество таких материалов и меньше, чем количество материалов с языковыми характеристиками слабого или сильного режимов безопасности.

Несмотря на продолжающиеся усилия по институционализации региона, уровень интеграции ЦА часто оценивается как низкий и ограниченный. Государства ЦА в целом имеют схожую структуру экономики, основанную на торговле природными ресурсами, которая характеризуется низким уровнем экономических взаимозависимостей на межгосударственном уровне. Объём торгов-

Рисунок 3

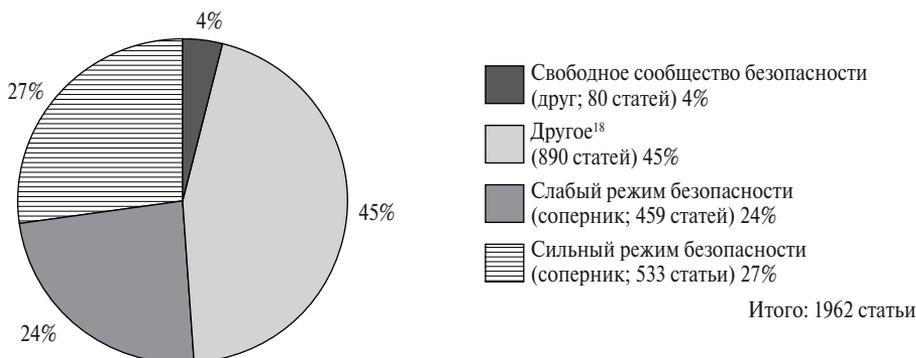
Соотношение статей, посвящённых различным подтемам в рамках проблематики межгосударственных отношений в СМИ Центральной Азии (2007–2016)

Составлено автором.

Рисунок 4

Распределение статей по вопросам региональной интеграции в СМИ Центральной Азии в соответствии с подтипами систем безопасности (2007–2016)

Составлено автором.

¹⁸ Здесь и далее категория «другое» включает в себя: 1) статьи, не принадлежащие какой-либо из основных категорий, 2) статьи, которые не отражают какие-либо характеристики восприятий дружелюбности-враждебности.

ли на межгосударственном уровне невелики и составляет меньше 5% от общего товарооборота для каждой из стран, кроме взаимодействия Казахстана с Киргизией (17,2% объема торговли Киргизии), Таджикистаном (11,7% объема торговли Таджикистана) и Узбекистаном (11,5% от объема торговли Узбекистана) [Дадабаева, Кузьмина 2014: 24]. Более того, наблюдается большая разница в экономическом развитии стран ЦА. Например, «на Казахстан в 2013 г. пришлось 67,0% общерегионального ВВП, на Узбекистан – 16,4%, на Туркменистан – 11,8%. Доли ВВП Киргизии и Таджикистана – существенно меньше и составляют всего 2,2% и 2,6% соответственно» [Дадабаева, Кузьмина 2014: 17]. Среди стран ЦА только Казахстан является региональным инвестором и импортером рабочей силы (восновном из Киргизии и Таджикистана) [Чернявский 2017: 10]. Кроме того, несмотря на преимущество территориальной близости, торговля между странами ЦА ограничена по причине неадекватных «визовых требований, ограничений на перемещение товаров и транспорта; неформальных сборов, выплачиваемых с целью избежания соблюдения регулятивных требований; задержек на границе, вызываемых продолжительными процедурами, таможенных пошлин и других выплат, осуществляемых на границе» [Дадабаева, Кузьмина 2014: 15]. Кроме вышеперечисленных проблем, трудности при интеграции также создают культурные и конфессиональные различия между странами ЦА [Лебедева, 2014: 73] и негласная конкуренция между Узбекистаном и Казахстаном за региональное лидерство [Дадабаева, Кузьмина 2014: 15]. Несмотря

на наличие статей по теме интеграции, для которых характерен дискурс свободных обществ безопасности, количество материалов с языковыми характеристиками слабого или сильного режимов безопасности существенно больше.

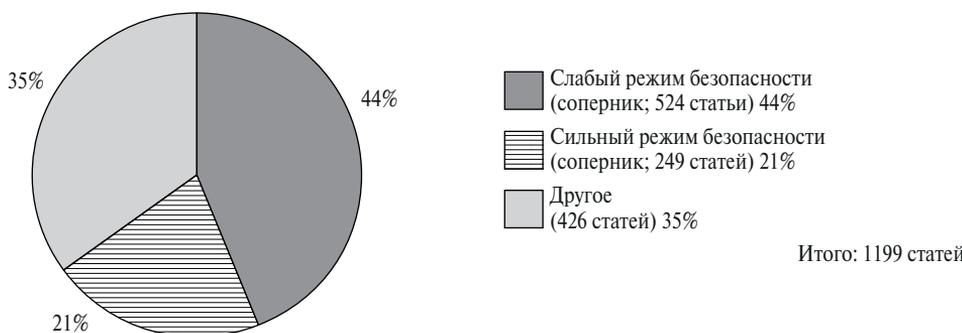
Вторая по частоте тема статей, посвящённых межгосударственным вопросам, показанная на тематическом уровне «В», – это проблема энергетических ресурсов (воды, газа, нефти) (19%, 1199 статей). После обретения независимости унифицированная система управления энергетикой в Центральной Азии осталась в прошлом¹⁹, что привело к серьёзному дисбалансу спроса и предложения между богатыми водой, но энергетически бедными горными республиками, расположенными вверх по течению рек (такими, как Киргизия, Таджикистан)²⁰, и бедными водой, но богатыми энергоресурсами аграрными республиками, расположенными вниз по течению рек (такими, как Узбекистан, Туркменистан, Казахстан). Слаборазвитые, но богатые водой Киргизия и Таджикистан сильно зависят от своего гидроэнергетического потенциала, однако их попытки использования воды по собственному усмотрению вызывают сильное недовольство со стороны республик, лежащих вниз по течению (Узбекистана, Туркменистана, Казахстана), так как экономика последних зависит от сельского хозяйства²¹. Страны подписали ряд соглашений о поставках энергетических ресурсов, однако эти документы не были должным образом реализованы и возникли проблемы, связанные с выполнением сторонами контрактных обязательств [Гриняев, Фомин 2009: 25–32].

¹⁹ В советский период «системы энергоснабжения в регионе были объединены в единую сеть так, что республики в верховьях рек могли экспортировать электроэнергию в республики в низовьях в течение зимы и импортировать её в течение лета, когда вода использовалась там для хлопкового производства» [Гриняев, Фомин 2009: 3].

²⁰ Киргизия и Таджикистан контролируют 90% всей воды в Центральной Азии.

²¹ В Киргизии и Таджикистане отсутствуют другие природные ресурсы, и они целиком зависят от гидроэнергетики, поэтому для них крайне важно зимой и летом обеспечивать надлежащее количество воды для нормального функционирования гидроэлектростанций с целью обеспечения устойчивости страны. С другой стороны, богатые нефтью и газом государства, Узбекистан, Казахстан и Туркменистан, нуждаются в обильном количестве воды летом для орошения, однако зимой чрезмерное количество воды из верхнего потока вызывает в них наводнения. Поэтому компромисс между двумя заинтересованными сторонами имеет решающее значение.

Рисунок 5
 Распределение сообщений по энергетической проблематике в СМИ Центральной Азии в соответствии с подтипами систем безопасности (2007–2016)

Составлено автором.

Каждое из государств Центральной Азии секьюритизирует проблему энергетики, о чём свидетельствует то, что для большинства новостных сообщений по этой тематике характерен дискурс, соответствующий слабому режиму безопасности. Встречаются в средствах массовой информации и частично десекуритизирующие материалы с языком сильного режима безопасности, хотя они и составляют гораздо меньшую пропорцию от общего числа публикаций по энергетической тематике, как показано на рис. 5.

Третья наиболее популярная тема статей, посвящённых межгосударственным проблемам на тематическом уровне «В», — это проблема пограничных территорий (10%, 659 статей). Противоречия относительно территориального размежевания и пограничных споров между странами региона преимущественно локализованы в Ферганской долине — районе, в котором сконцентрировано наибольшее число демаркационных проблем. В ней насчитывается восемь анклавов: на киргизской территории

четыре узбекских (Сох, Шахимардан, Чон-Гара, Таш-Добе) и два таджикских (Ворух, Кайрагач) и на узбекской территории два анклава: один киргизский (Барак) и один таджикский (Сарвак). Анклавы — это территориальные островки одного государства, со всех сторон окружённые территорией другого, не подконтрольные полностью правительствам ни одного из них. В Центральной Азии они часто становятся источниками межнациональных конфликтов и базами распространения наркотрафика и контрабанды²². Несмотря на то что проблема демаркации границ между Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном уже практически решена²³, вопросы с анклавами в Ферганской долине между Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном всё ещё сохраняют конфликтный потенциал.

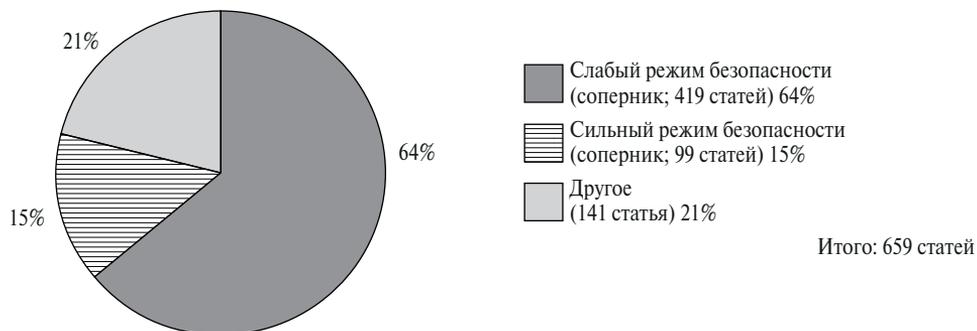
Как показано на рис. 6, язык статей, посвящённых проблеме демаркации, соответствует слабому режиму безопасности в гораздо большей степени, чем язык статей, посвящённых вопросам энергетики. Несмотря на это, в статьях, посвящённых

²² Эксперты: Анклавы в Ферганской долине — часть неразрешённых проблем. Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/ru/эксперты-анклавы-в-ферганской-долине-часть-неразрешенных-проблем/a-5730525>

²³ Настоящая статья анализирует тенденции секьюритизации в период с 2007 по 2016 год. Однако с конца 2016 года в регионе начали происходить изменения в связи с уходом с поста президента Республики Узбекистан Ислама Каримова и приходом к власти нового президента Шавката Мирзиёева, что привело к активизации переговоров по границе между тремя странами (Казахстаном, Узбекистаном и Туркменией) и подписанию договора по демаркации в 2018 году.

Рисунок 6

Распределение сообщений по проблематике территориального размежевания и границ в СМИ Центральной Азии в соответствии с подтипами систем безопасности (2007–2016)

Составлено автором.

проблемам границ, также присутствуют элементы десекуритизации, характерные для сильного режима безопасности, хотя и в гораздо меньшей степени.

Проблема наркотрафика и преступлений является четвертой наиболее популярной темой статей СМИ, посвященных межгосударственным отношениям (6%, 357 статей). Наркобизнес является одним из основных факторов, негативно влияющих как на политическую, так и на социальную ситуацию в регионе. Основной причиной процветания наркобизнеса является географическая близость государств к Афганистану – крупнейшему центру производства наркотиков. Неблагополучная социально-экономическая ситуация в Центральной Азии способствует тому, что многие её жители становятся вовлечены в высокоприбыльный наркобизнес. Это, в свою очередь, ещё более усложняет процесс создания здоровой, конкурентоспособной экономической системы в странах региона. Более того, наркобизнес, процветание которого возможно во многом благодаря нестабильности, всемерно стремится поддерживать это состояние. Таким образом, причинами, способствующими росту незаконного оборота наркотиков в ЦА, выступают: 1) неэффективная система охраны границ и противодействия наркотрафику; 2) сложная социально-экономическая ситуация в странах региона, приводящая к вовлечению населения в наркобизнес; 3) высокий

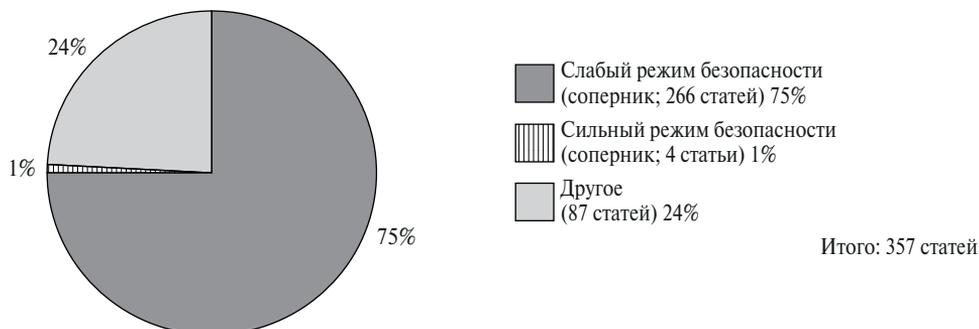
уровень коррупции и проникновение наркобизнеса во властные и правоохранительные структуры; 4) отсутствие достаточно эффективной государственной системы противодействия наркомании [Поклоннов 2010: 223]. ОДКБ проводит совместные операции, направленные на сокращение наркотрафика из Афганистана, однако этих мер недостаточно [Поклоннов 2010: 224].

Как и в предыдущем случае, язык статей в категории «наркотрафик и преступления» также имеет черты, характерные для «слабого режима безопасности». Для небольшой части статей характерен язык «сильного режима безопасности», что свидетельствует о том, что десекуритизация по данному вопросу намного сильнее, чем частичная десекуритизация.

Проблематика радикального исламизма также весьма актуальна для стран Центральной Азии (3%, 156 статей). Растущее влияние Исламского государства (ИГ, террористическая организация; запрещена в РФ) и радикальных организаций связанных с ИГ, как общемусульманских (таких, как Хизб ут-Тахрир), так и региональных («Исламское движение Узбекистана» и «Исламское движение Туркестана»), считается одним из фундаментальных факторов, угрожающих межгосударственным взаимоотношениям в Центральной Азии [Казанцев 2008: 194]. Ключевыми проблемами выступают миграция боевиков из стран ре-

Рисунок 7

Распределение сообщений по проблематике наркоторговли и организованной преступности в СМИ Центральной Азии в соответствии с подтипами систем безопасности (2007–2016)

Составлено автором.

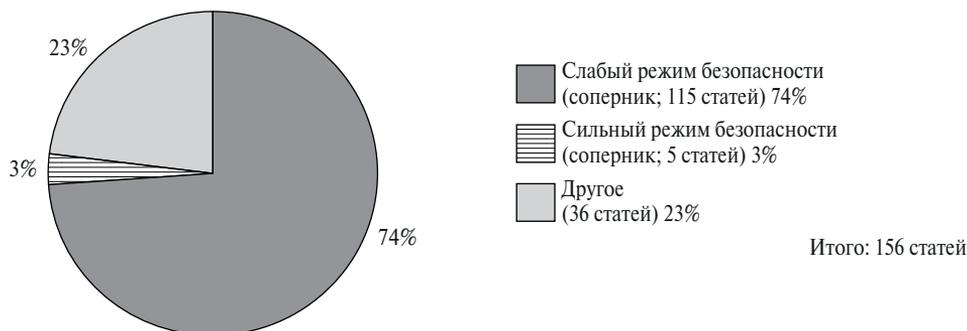
гиона в Сирию и Ирак и их возвращение в ЦА [Вавилов и др. 2016: 35], а также угрозы с севера Афганистана, граничащего с Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном [Казанцев 2016]. Фактически распространение радикального ислама в Центральной Азии оказывается продуктом его географического соседства с странами-источниками радикального исламизма. В этой связи особенно сильному влиянию со стороны радикального исламизма подвержено население, проживающее на юге региона. Хизб ут-Тахрир использует своих узбекских членов, живущих в Киргизии, для привлечения местных узбеков в организацию. Они распространяют пропаганду

через мечети и недавно построенные религиозные учреждения. На текущий момент членами Хизб ут-Тахрира являются не только узбеки, но и киргизы, включая киргизов из северного региона, который ранее был безразличен к исламу [Сухов, 2006: 120].

Для статей, обсуждающих вопросы радикального исламизма (рис. 8), характерен дискурс слабого режима безопасности и в гораздо меньшей мере язык сильного режима безопасности. Последний не указывает на частичную десекуритизацию, но содержит ссылки на совместные действия, направленные на борьбу с экстремистскими силами в рамках сотрудничества в области безопасности.

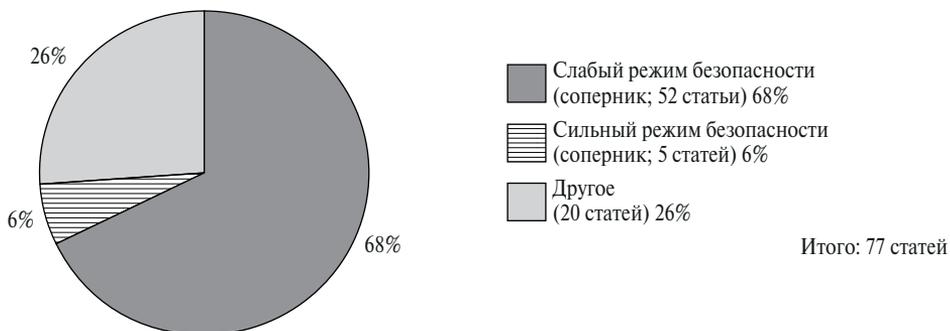
Рисунок 8

Распределение статей, посвящённых радикальному исламизму, в СМИ Центральной Азии в соответствии с подтипами систем безопасности (2007–2016)

Составлено автором.

Рисунок 9
Распределение статей по миграционной проблематике в СМИ Центральной Азии в соответствии с подтипами систем безопасности (2007–2016)

Составлено автором.

Прекращение незаконной иммиграции является одной из важнейших тем повестки дня в области безопасности в Центральной Азии. Среди стран ЦА единственный импортёр рабочей силы – Казахстан, тогда как особенно Киргизия и Таджикистан выступают её экспортёрами. Обычно выходцы из региона приезжают за рубеж законно, но затем трудоустраиваются неофициально, без контрактов и патентов. Количество нелегальных трудовых иммигрантов, варьируясь от года к году, составляет от 200 тыс. до 1 млн человек в год. Этот поток состоит в основном из сезонных рабочих низкой квалификации,

индивидуальных предпринимателей, квалифицированных работников сферы услуг. Большой масштаб нелегальной иммиграции объясняется прозрачностью границ Казахстана с рядом соседних стран [Дадабаева, Кузьмина, 2014: 27]. Рисунок 9 иллюстрирует, что эта проблематика по большей части освещается языком слабого режима безопасности, и лишь малой части статей присущи лингвистические характеристики сильного режима безопасности.

Проведённый анализ свидетельствует, что дискурс всех шести основных проблемных областей, освещаемых в СМИ Цен-

Рисунок 10
Соответствие тематических дискурсов в Центральной Азии типам структурирования межгосударственных систем

Режимы безопасности (минимизация конфликтов, соперник)		Режимы безопасности (минимизация конфликтов, соперник)		Сообщества безопасности (коллективная идентичность, друг)	
Ревизионистские	Статус-кво	Слабые	Сильные	Свободные	Тесно связанные
		Энергетика			
		Демаркация			
		Интеграция			
		Радикальный ислам			
		Наркотики			
		Миграция			

Составлено автором.

тральной Азии, соответствует моделям слабого или сильного режима безопасности, что отражает доминирование конкурирующей культуры отношений (рис. 10). Несмотря на то что среди статей по тематике интеграции найдено некоторое количество статей, для которых характерны языковые характеристики сообщества безопасности, для сообщений, обсуждающих проблемы радикального исламизма, наркоторговли и организованной преступности, характерны лингвистические характеристики слабого режима безопасности, и среди них практически отсутствуют частично десекуритизирующие статьи.

Результаты контент-анализа позволяют отвергнуть ряд альтернативных моделей структурирования регионального субкомплекса. В частности, отношения в нём не соответствуют логикам свободного или тесно связанного сообществ безопасности, так как в них сохраняется конфликтность. В Центральной Азии произошла частичная десекуритизация, которая, однако, не доказывает, что этот субкомплекс де- или метасекуритизирован. Несмотря на то что среди тем, наиболее часто обсуждаемых в СМИ, фигурируют вопросы интеграции и экономического сотрудничества, которые проявляют лингвистические паттерны, присущие свободным сообществам безопасности, они не могут охарактеризовать регион, так как имеется ряд других тем, не свойственных этому подтипу.

Одновременно отношения в Центральной Азии не соответствуют и различным вариациям конфликтной формации. В этой связи показательно, что в дискурсе СМИ война ни разу не фигурировала в качестве возможного решения проблем в регионе. Другими словами, по каждой из выделенных тем центральноазиатские государства пытаются защитить свои национальные интересы, избегая при этом вооружённых

конфликтов, и стремятся достичь соглашений, которые, однако, часто вызывают новые проблемы из-за отсутствия опыта таких соглашений и достаточного финансирования [Муталиева, Байтенова, 2015: 34–52].

* * *

В данной работе основное внимание было уделено анализу «паттерна дружественности-враждебности» между государствами центральноазиатского субкомплекса посредством контент-анализа. Используя понятия «секуритизация», в данной работе было проанализировано использование языка в новостных статьях, опубликованных средствами массовой информации региона за последние 10 лет. В данной работе, применяя методологию контент-анализа, основанную на анализе языка, было доказано, что для центральноазиатского субкомплекса характерна конкурентная культура по Локку²⁴. Новостные статьи по различным темам имеют особенности, характерные для паттернов дружественности-враждебности в диапазоне от «слабого режима безопасности» до «свободного сообщества безопасности», однако объединённые результаты показывают, что центральноазиатский субкомплекс находится в диапазоне от «слабого режима безопасности» до «сильного режима безопасности» в конкурирующей культуре по Локку. Эти результаты научно доказывают, что межгосударственные отношения государств ЦА не являются враждебными, но не представляют собой и отношений сотрудничества, а представляют собой отношения конкурентов, преследующих собственные интересы. Регион далёк от сообщества безопасности, но уже не является и конфликтной формацией, находясь на перекрёстке, на котором должен быть сделан выбор о дальнейшем направлении развития.

²⁴ В культуре по Локку страны-участницы являются конкурирующими соперниками, которые «в отличие от врагов, ожидают друг от друга признания суверенитета, права на существование и свободу и поэтому не стремятся к завоеванию или доминированию» [Wendt, 1999: 279]. Несмотря на это, в рамках конкурентной культуры по Локку полностью не исключается использование насилия как способа решения проблем [Wendt, 1999: 279], что отличает культуру по Локку от дружественной культуры по Канту.

Приложение. Список анализируемых СМИ

1 Itv.kz	54 kyrtag.kg	104 Вечерняя Астана
2 24.kg	55 Лада	105 Вечерний Алматы
3 АиФ-Казахстан	56 Liter.kz	106 Vesti.kz
4 akorda.kz	57 maralfm.kg	107 vesti.uz
5 alau.kz	58 mfa.gov.kz	108 voxropuli.kz
6 almaty.gov.kz	59 Мой ГОРОД	109 Пресс-служба МЮ РК
7 anhor.uz	60 МСХ Казахстана	110 Акорда
8 assembly.kz	61 МИКС Tengrinews.kz	111 АрВеди.kz
9 Акимат Атырауской области	62 mk-kz.kz	112 Телеканал Астана
10 Avesta. Tj	63 mks.gov.kz	113 Министерство образования и науки Казахстана
11 Better.kz	64 motor.kz	114 Центризбирком Казахстана
12 Bnews.kz	65 Наша Ярмарка	115 Казахстанская правда
13 cabar.asia	66 Национальный музей Республики Казахстана	116 Казправда
14 samonitor.kz	67 news.caravan.kz	117 Минобороны Казахстана
15 Central Asia Monitor	68 Азия-Плюс	118 Министерство здравоохранения Казахстана
16 caravan.kz	69 news.tj	119 Костанайский областной еженедельник Наша Газета
17 Диалог.кз	70 Asia-Plus	120 Nur.kz
18 dialog.kz	71 Радио Озоди	121 Новости Караганды
19 diapazon.kz	72 NewTimes.kz	122 Союз Православных Граждан Казахстана
20 egemen.kg	73 nomad.su	123 Spik.kz
21 expertonline.kz	74 Номад	124 Tazabek
22 express-k.kz	75 np.kz	125 Turmush.kg/
23 faraj.com.tj	76 Новое поколение	126 АКИpress
24 Focus.kg	77 nurotan.kz	127 Вести.uz
25 forbes.kz	78 Новости Узбекистана	128 www.zakon.kz
26 fundamental-economic.uz	79 Новый вестник, Караганда	129 Zakon.kz
27 gazeta.caravan.kz	80 НОВЫЙ ВЕСТНИК	130 Майдан.kg
28 gazeta.kg	81 Огни Алатау	131 Южный Казахстан
29 Газета.uz	82 Служба Центральных Коммуникаций при Президенте Казахстана	132 Yvision.kz
30 gazeta.uz	83 Otyrar.KZ	133 Закон.kz
31 КАЗИНФОРМ	84 palata.kz	134 zanoza.kg
32 inform.kz	85 Podrobno.uz	135 Жамбылская областная газета
33 МИА Казинформ	86 Генпрокуратура Казахстана	136 Газета.уз
34 Индустриальная Караганда	87 Радиоточка	137 101tv.kz
35 Inter.kg	88 Sputnik Кыргызстан	138 1news.uz
36 ИНТЕРФАКС-КАЗАХСТАН	89 rus.azattyk.kg	139 24.kz
37 kapital.kz	90 strategy2050.kz	140 365info.kz
38 kazanalytics.kz	91 Super.kg	141 aktobetimes.kz
39 kazpravda.kz	92 ТаджикиТА	142 astana.gov.kz
40 КазТАГ	93 Tengrinews.kz	143 Ак Жайык
41 kaztag.kz	94 Время	144 Диапазон
42 kloop.kg	95 Today.kz	145 esquire.kz
43 K-News.kg	96 ИА Total.kz	146 expocredit.kz
44 knews.kg	97 turmush.kg	147 Экспресс-К
45 K-News	98 ut.uz	148 Fakt.kg
46 kp.kz	99 uz24.uz	149 gov.uz
47 Костанайские новости	100 УзА	150 Казинформ
48 Kazakhstan Today	101 UzDaily.uz	151 Кабар
49 ktk.kz	102 Вечерний Бишкек	152 КазахЗерно.kz
50 КТК	103 vb.kg	
51 kursiv.kz		
52 Курсив		
53 kyr.24.kg		

153 kazatomprom.kz	170 Подробно.Uz	187 uznews.uz
154 КНБ Казахстана	171 Общественный рейтинг	188 vesti.kg
155 krisha.kz	172 presidentlibrary.kz	189 vlast.kz
156 Limon.KG	173 Прикаспийская коммуна	190 Anons.uz
157 Мэрия города Бишкек	174 primeminister.kz	191 Astana TV
158 МИД Казахстана	175 reactor.inform.kz	192 Национальный банк Кыргызской Республики
159 mgorod.kz	176 ru.sputniknews.kz	193 Нацбанк Киргизии
160 ДВД города Алматы МВД РК	177 Sputnik Казахстан	194 Pravoslavie.uz
161 МВД Казахстана	178 spgk.kz	195 Пресс-служба Президента Таджикистана
162 myday.uz	179 Sports.kz	196 Ratel.kz
163 Письма о Ташкенте	180 Tazabek.kg	197 zannews.kz
164 nationalbank.kz	181 Туркменистан сегодня	198 Заноза
165 Uzreport.uz	182 Наш Костанай	199 Бродвей.кз
166 ИА "NewTimes.kz"	183 total.kz	200 informburo.kz
167 Norma.Uz	184 turkmenistan.gov.tm	
168 ortcom.kz	185 uralskweek.kz	
169 Podrobno.uz.	186 Uzbekistan Today	

Список литературы

- Боришполец К.П.* Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2010. 221 с.
- Боронин О.* Растерянные приоритеты. Что делать России в Центральной Азии? // Международные процессы. 2003. № 2. С. 126–133.
- Быков А.* Зачем Казахстан России? // Международные процессы. 2005. № 3. С. 137–143.
- Вавилов А.* (и др.) «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы: Аналитические доклады ИМИ. Выпуск 1(45). М.: МГИМО-Университет, 2016. 44 с.
- Гриняев С.Н., Фомин А.Н.* Актуальные вопросы применения механизма биржевой торговли для решения водно-энергетических проблем стран Центральной Азии. Аналитический доклад. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2009. 44 с.
- Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М.* Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. 56 с.
- Дундич А.* Киргизия между «великими» // Международные процессы. 2010. № 2. С. 117–122.
- Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / Фонд «Наследие Евразии». М., 2008. 241 с.
- Казанцев А.А.* Центральная Азия: светская государственность перед вызовом радикального ислама. [Электронный ресурс]. Россия в глобальной политике. 2016. — Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/valday/tcentralnaya-aziya-svetskaya-gosudarstvennost-pered-vyzovom-radikalnogo-islama-17959>
- Лебедева М.М.* Социально-гуманитарный ресурс интеграции России. Россия в современных интеграционных процессах: Колл. монография / [Г.М. Костюнина и др.]; под ред. С.А. Афонцева и М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет 2014. С. 312.
- Ли С., Ван Ч.* Китайская политология о смысле и перспективах Евразийского Союза // Международные процессы. 2014. № 3. С. 70–82.
- Михайлов Л.* Российский фактор в Центральной Азии // Международные процессы. 2005. № 2. С. 127–134.
- Муталиева Л., Байтенова Л.* Тенденции развития водно-энергетической системы стран Центральной Азии // Новости науки Казахстана. 2015. № 1(123). С. 34–52.
- Поклоннов О.* Участие государств ЦАР в устранении угроз в сфере безопасности // (Сб.) Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. М.: Институт стратегических оценок и анализа, 2010. 254 с.
- Сухов А.* Кыргызстан: роль «Хизб ут-Тахрир» в радикализации ислама // Центральная Азия и Кавказ. 2006. No. 6(48). P. 120–129.
- Тетерюк А., Чижевский Я.* Центральноазиатский трек российской внешней политики: вариант сценарной разработки // Международные процессы. 2013. № 3-4. С. 103–115.
- Чернявский С.И.* Евразийский экономический союз — реалии текущей ситуации // Евразийский юридический журнал. 2017. №5 (108). С. 18–20.
- Buzan B.* People, States and Fear. North Carolina: The University of North Carolina Press, 1983. 262 p.

- Buzan B.* The United States and the Great Powers: World Politics in the Twenty-First Century. Cambridge: Polity, 2004. 222 p.
- Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
- Buzan B., Waever O., de Wilde J.* Security: a new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
- Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976. 445 p.
- Oskanian K.* Fear, Weakness and Power in the Post-Soviet South Caucasus: A Theoretical and Empirical Analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 261 p.
- Stritzke H.* Security in Translation: Securitization Theory and the Localization of Threat. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 223 p.
- Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 452 p.

AMITY-ENMITY PATTERNS IN CENTRAL ASIA

MODELLING WITH THE USE OF CONTENT ANALYSIS

HYUNJUNG KIM

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

This paper examines «the amity-enmity pattern» among the states in Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan) by content analysis. The amity-enmity pattern reflects the ideational theoretical view of Regional Security Complex Theory of B. Buzan that it defines the kind of roles (enemy/rival/friend) the states in the region internalise and develops it into a spectrum of conflict formations (enemy), security regimes (rival), security communities (friend), respectively. The conceptualization was further advanced by K. Oskanian into six categories: Revisionist/Status-quo conflict formation (enemy), Thin/Thick security regime (rival), Loose/Tight security community (friend). This paper aims to position the Central Asian subcomplex on the six categories of the amity-enmity pattern. First part of the paper defines the analytical and methodological frameworks for «the amity-enmity pattern» in the Central Asian subcomplex, a subcomplex in the unipolar Russia-centered Regional Security Complex. The second part attempts to analyze the amity-enmity pattern of the subcomplex through content analysis, examining 30455 news articles published in Central Asian states for the last 10 years (from January 2007 to December 2016). Steps of the analysis follows the scheme of «Structurization of information array for qualitative content analysis» by K. Borishpolets. At the level «A» of analysis, the number of news sources were categorized into three text blocks: 1) inter-state level of articles, 2) inter-regional level of articles 3) domestic articles. At the level «B» of analysis, the inter-state level of articles are further classified and total six topics have resulted by frequencies: 1) Integration issues 2) Energy(gas, oil, water) issues 3) Border/territory issues 4) Drug trafficking/criminal issues 5) Radical islam issues 6) Immigration issues. At the level «C» of analysis, the amity/enmity features on each topic are examined and based on the results, this paper concludes that the formation of security culture and the role that the actors play in the Central Asian subcomplex can be defined as Lockean rivalry positioned at the range from 'Thin security regime' to 'Thick security regime'.

Keywords:

Central Asia; amity-enmity pattern; content analysis; security regime; Regional Security Complex Theory.

References

- Borishpolets K.P. (2010). *Metody politicheskikh issledovanij* [Methods of Political Research]. Moscow: Aspekt Press. 221 p.
- Boronin O. (2003). Rasteryannye priority. Chto Delat' Rossii v Tsentral'noj Azii? [Lost Priorities. What Russia should do in Central Asia?] // *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2. P. 126–133.
- Buzan B. (1983). *People, States and Fear*. North Carolina: The University of North Carolina Press. P. 262.
- Buzan B. (2004). *The United States and the Great Powers: World Politics in the Twenty-First Century*. Cambridge: Polity. 222 p.
- Buzan B., Waever O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 564.
- Buzan B., Waever O., de Wilde, J. (1998). *Security: a new framework for analysis*. London: Lynne Rienner Publishers. P. 239.
- Bykov A. (2005). Zachem Kazakhstan Rossii? [Why Does Russia Needs Kazakhstan?] // *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3. P. 137–143.
- Chernyavskiy S.I. (2017). Yevraziyskiy ekonomicheskiy soyuz — realii tekushchey situatsii [Eurasian Economic Union – realities of the current situation]. *Yevraziyskiy yuridicheskij zhurnal*. No. 5 (108). P. 18–20.
- Dasabayeva Z.A., Kuzmina Y.M. (2014). *Protsessy regionalizatsii v Tsentral'noj Azii: problemy i protivorechiya: Nauchnyy doklad* [The Process of Regionalization in Central Asia: Problems and Contradictions]. Moscow: Institut ekonomiki RAN. 44 p.
- Dundich A. (2010). Kirgiziya mezhdru "velikimi" // *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2. P. 117–122.
- Grinyayev S.N., Fomin A.N. (2009). *Aktual'nyye voprosy primeneniya mekhanizma birzhevoy torgovli dlya resheniya vodno-energeticheskikh problem stran Tsentral'noj Azii* [Contemporary issues of applying mechanism of exchange trade for solving the water-energy problem of the states in Central Asia]. Analiticheskij doklad. Moscow: Tsentr strategicheskikh otsenok i prognozov. 56 p.
- Jervis R. (1976). *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press. 445 p.
- Kazantsev A.A. (2008). "Bol'shaya igra" s neizvestnymi pravilami: mirovaya politika i Tsentral'naya Aziya [Great Game with unknown rules: world politics and Central Asia]. Fond «naslediye yevrazii», Moscow. 241 p.
- Kazantsev A.A. (2016). Tsentral'naya Aziya: svetskaya gosudarstvennost' pered vyzovom radikal'nogo islama [Central Asia: secular statehood under the challenge of radical Islamism]. *Rossiya v global'noy politike*. URL: <http://globalaffairs.ru/valday/tcentralnaya-aziya-svetskaya-gosudarstvennost-pered-vyzovom-radikalnogo-islama-17959>
- Lebedeva M.M. (2014). Sotsial'no-gumanitarnyy resurs integratsii Rossii [Socio-humanitarian resources for integration of Russia]. In Afontseva S.A., Lebedeva M.M. (eds) *Rossiya v sovremennykh integratsionnykh protsessakh*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2014. 312 p.
- Li S., Van Ch. (2014). Kitajskaya politologiya o smysle i perspektivakh Evraziyskogo Soyuza // *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3. P. 70–82.
- Mikhailov L. (2005). Rossijskiy faktor v Tsentral'noj Azii [Russian Factor in Central Asia] // *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2. P. 127–134.
- Mutaliyeva L., Baytenova L. (2015). Tendentsii razvitiya vodno-energeticheskoy sistemy stran Tsentral'noj Azii [Tendencies of water and energy system development of the states in Central Asia] // *Novosti Nauki Kazakhstana*. No. 1(123). P. 34–52.
- Oskanian K. (2013). *Fear, Weakness and Power in the Post-Soviet South Caucasus: A Theoretical and Empirical Analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 261 p.
- Poklonnov O. (2010). Uchastiye gosudarstv TSAR v ustraneni ugroz v sfere bezopasnosti [Participation of Central Asian states in eliminating threats in security sphere]. In: *Tsentral'naya Aziya. Geopolitika i ekonomika regiona*. Moscow: Institut strategicheskikh otsenok i analiza. 254 p.
- Stritzel H. (2014). *Security in Translation: Securitization Theory and the Localization of Threat*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 223 p.
- Sukhov A. (2006). Kyrgyzstan: rol' «Khizb ut-tahrir» v radikalizatsii islama [Kyrgyzstan: the role of Hizb ut-Tahrir in the radicalization of Islam] // *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. No. 6(48). P. 120–129.
- Teteryuk A., Chizhevskiy Ya. (2013). Tsentral'no-aziatskiy trek rossijskoj vneshnej politiki: variant stsensarnoj razrabotki [Central Asian Track of Russian Foreign Policy: a Version of Scenario Study] // *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3–4. P. 103–115.
- Vavilov A. et al. (2016). «Islamskoye gosudarstvo»: fenomen, evolyutsiya, perspektivy [Islamic State: Phenomenon, Evolution and Prospects] Analiticheskiye doklady IMI. No. 1(45). Moscow: MGIMO-Universitet. 44 p.
- Wendt A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 452 p.